

В. Н. СИДОРЦОВ

МЕТОДОЛОГИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Историческое мышление у человека зарождается в школьном возрасте. Первоначально его формы носят мифологический характер. Мифы не покидают личность на всем протяжении ее жизни. Они рождаются и со временем исчезают. Известны, например, мифы о добровольном объединении крестьянских хозяйств в колхозы, или о развитом социализме. Существуют и более устойчивые мифы, как-то сохраняющие и ныне прежние представления об исторической науке. Например о том, что «*Historia magistra vitae*» или «Факт — упрямая вещь». Рождаются мифы и в наше время.

Мифология как наука, изучающая мифы главным образом древних людей, прямо связана с методологией. Не только в смысле поиска методов для анализа мифов, раскрытия их происхождения и смысла, но и в части освобождения мышления от заблуждений, возникающих порою под влиянием извне. Сказывается недопонимание всей значимости методов научного анализа. Опасность мифологизации в наши дни реальна, и рост численности научных кадров с учеными степенями, к сожалению, не уменьшает этой опасности. Злободневной, на наш взгляд, стала проблема научной рефлексии.

Рефлексия характерна для любых действий человека. Научная рефлексия обычно представляется как методологизация мышления, т. е. деятельность, полная сомнений, характеризующаяся поиском рационального решения, апеллирующая к известной исследовательской прак-

Сідарцоў Уладзімір Нікіфаравіч — прафесар кафедры крыніцазнаўства Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, доктар гістарычных навук.

тике, канонам познания, предполагающая контроль собственных действий. В исторической науке она предусматривает определенные допущения, оформляемые в виде требований ВАК при написании диссертаций и служащие ориентиром во всякой научной работе историков.

Внимание к вопросам методологии обычно обостряется в переломные периоды развития историографии, именуемые кризисом исторической науки. Кризисом — в значении перегруппировки сил, поиска новых подходов в условиях исчерпания прежних. В этом смысле можно говорить об истории методологизации исторического мышления.

Впервые такая методологизация произошла в связи с кризисом исторической науки, наступившим вслед за ее «золотым веком» (вторая половина XIX ст.). Тогда история представлялась «наставницей жизни», дающей полное и конечное знание. Ее относили к области естественных наук, методы которых непосредственно распространялись на историческое исследование, что и вызвало кризис. Была поколеблена вера в нее, и она стала представляться, в лучшем случае, как искусство.

Из кризиса историю вывела французская школа «Анналов». Заметим, что некоторые идеи школы предвосхитил известный российский историк В. О. Ключевский. Анналисты 1-й волны (М. Блок, Л. Февр, Ф. Бродель) сумели на основе предложенной ими концепции ДВП (длительной временной протяженности) создать новую историю, введя такие неизвестные ранее понятия, как «историческое время», «тотальная история», структура, повседневность. Тем самым была синтезирована объемная картина исторического мира. Создана, например, история Европы за 400 лет [1].

Спустя 100 лет мы столкнулись с новым кризисом мировой исторической науки, не говоря уже об отечественной истории, унаследовавшей советскую историографию. Это проявилось хотя бы в том, что социальные науки, «питаемая историей», не сумели предвидеть крушение СССР и последовавшие за ним сдвиги в мировом развитии. Возникла проблема поиска новых путей, новых источников, новых методов, инновационных решений, но уже в иных условиях по сравнению с теми, что были в конце XIX — начале XX в., — условиях происходящей интеграции наук.

Решение возникшей проблемы возможно лишь на основе осмысления новой ситуации, путем обновления всего механизма познания истории. В условиях постмодерна появились различные концепции и подходы, позволяющие синтезировать всевозможные истории, возникшие

40—30 лет назад. Речь идет о синтезе таких направлений, сгруппированных нами по тому или иному признаку, как:

- историческая информатика, история повседневности, в развитии которых решающую роль сыграл исторический источник (в первом случае массовый, во втором — связанный с обращением к человеку, его «картине мира»);
- психоистория, устная история, обязанные своим возникновением привнесенным методам анализа;
- женская история, гендерная история — означали ориентацию на разрешение возникших социальных проблем между полами;
- демографическая история, экологическая история — отражающие появление новых сфер исследования; сюда же можно отнести и интел-лектуальную историю, или историю идей; и т. д.

Представитель новой волны французских «анналистов» Ф. Артог (доктор, профессор Высшей школы социальных исследований в Париже) вводит понятие «временного режима историчности». Посредством этого понятия античность характеризуется в смысле «историчности, обращенной в прошлое» («история — наставница жизни»), эпоха модернизма — как «историчность, устремленная в будущее», а современность — как «историчность, погруженная в настоящее» [2, 13—23].

Раздаются голоса, направленные против противопоставления формационного и цивилизационного подходов в историографии, на их сочетание. Такую точку зрения, например, высказывает доктор исторических наук профессор В. С. Кошелев. В этой связи наше внимание обращается к исторической синергетике.

Синергетика (гр. *συνεργεια* — сотрудничество, содружество). Исходя из этой модели, общество рассматривается как открытая, нелинейная и самовоспроизводящая социальная система, в которой неустойчивость, колебания, хаос расцениваются не только как разрушающая, но и как созидательная сила, движущая социум. Синергетика привлекает идеей о возрастании роли личности в истории.

Поиск синтезирующего начала приводит многих историков к лингвистике, дискурс-анализу. Исходя из предпосылки, что вся наша история — это в известном смысле текст, ее изучение предполагает использование различных методов лингвистики, не только рациональных подходов (грамматический разбор, использование достижений семантики, функциональной стилистики, логики), но и иррациональных (определение природы текста как продукта социально-речевой деятельности),

изучение языковой практики того или иного исторического времени, т. е. осуществление дискурс-анализа.

В работе кафедры источниковедения исторического факультета БГУ фигурирует пример с подобным, но уже осмысленным анализом речи Сталина 3 июля 1941 г. Необычное обращение к слушателям по радио, как-то: «Братья и сестры!», «К вам обращаюсь я, друзья мои!», «Мы — они», объединявшее Сталина и народ против вторгнувшегося в страну коварного врага; использование других лингвистических приемов, — все это способствовало мобилизации масс на «священную войну». Вместе с тем обращение Сталина, при всей его коварности, свидетельствовало об умелых действиях лидера страны [3].

Антропологический и лингвистический повороты в мировой историографии, определили ее характерные черты во второй половине XX в. В условиях поиска синтезирующего начала в исторической науке они обязывают историков расширять круг используемых в научной и преподавательской работе концепций и методов за счет заимствованных из других наук и адаптированных к собственным нуждам и показавших свою эффективность. Это значит, на основе междисциплинарности успешно решать возникшую проблему синтеза.

К сожалению, большинство наших исследований остаются в рамках модернизации первой половины XX в., когда господствовало объективно-структурное направление в историографии. Не отрицая значимости таких работ, современность диктует необходимость идти дальше, осуществляя новую методологизацию собственного исторического мышления, поднимаясь на более высокую ступень в познании (исследовании и обучении) истории.

Повышение профессионализма специалистов в различных областях деятельности, к чему призывает руководство страны, весьма ответственная и вместе с тем нелегкая задача. Профессионализм историков в наши дни определяется тем, насколько они понимают необходимость методологизации собственного мышления, овладевают инновационными концепциями и методами, позволяющими «заглянуть» во внутрь изучаемых социальных объектов, внедряют новые подходы в практику своей познавательной деятельности.

Защиты диссертаций, произошедшие в совете при БГУ, показали определенные сдвиги в их теоретико-методологических основаниях. С одной стороны, продемонстрирован углубленный анализ объекта исследования с позиции прежнего объективно-структурного направления

в исторической науке и тем самым обозначена потребность в переходе на новый, системный уровень исследования, с неперменным обращением к исторической антропологии. С другой стороны, на ярких примерах показано, что история — это наука о человеке, человеческом сообществе во времени с учетом их места, занимаемого в социальной жизни, бесспорно влияющего на личности. Тем самым был создан, пусть еще и довольно робкий, «двойной» прецедент по расширению исследовательского поля историков [4].

Однако предстоит еще напряженная работа по «выравниванию» теоретико-методологического уровня наших исследований. В частности — по искоренению подмены понятий в вопросах использования количественных методов, когда обычные арифметические расчеты называются математико-статистическими приемами. Последние предназначены главным образом для анализа больших рядов численных показателей (переписи населения, инвентари, данные избирательных кампаний и др.) или для представления качественных характеристик единичных источников (манускрипты, монографии, диссертации и т. д.). Здесь должен применяться количественный анализ, представленный мерами уровня (средняя арифметическая, медиана, мода), математическим моделированием (корреляционный и регрессионный анализы) и МСА (многомерный статистический анализ), главным образом факторный и кластерный анализы [5].

Не следует забывать о возможности использования других методов: семиотических, метода выборки, знание которого необходимо, прежде всего, историкам-архивистам, и искусствоведческого анализа, который может и должен получить признание и в социальной истории [6].

В нарративных источниках встречаются понятия, форма которых не соответствует их содержанию. В таком случае используется учение о знаках, предписывающее следующие действия: вычленение знаков, их раскодирование путем расширения имеющейся информации, перекодировка и складывание нового исторического построения. А метод выборки незаменим, когда необходим анализ массива численных показателей. В этом случае массив сводят к меньшей совокупности, используя таблицу больших чисел, и затем осуществляют количественный анализ.

Ценность искусствоведческого анализа в исследованиях социальной истории можно представить на примере памятников культового зодчества XIX в. в Беларуси. Наряду с культурной значимостью они являются документальным свидетельством событий, характеризующих соци-

ально-политическое положение государства, его политику. В первой трети XIX в. количество храмов здесь, католических, главным образом в западной части, и православных — в восточной, было примерно равным. А использование одного и того же стиля классицизма в обеих конфессиях можно расценить как их взаимную лояльность. С 1930 г. наблюдается значительное изменение архитектурной стилистики храмов: учащается появление готики в костелах и распространяется русско-византийский стиль в соборах. Упраздняется униатская церковь. А во второй половине XIX в. наблюдается распространение соборов на всей территории Беларуси; они уже доминируют и в западной ее части. Культовые объекты становятся центрами идеологической борьбы. Причем все это происходило не путем насилия, как представляют некоторые исследователи.

Простота убранства соборов была неслучайной: она противопоставлялась католической помпезности. Господствовавшая церковь предпочитала действовать методом убеждения, а не насилия. Подобное расширение поля исследования может обогатить наши знания о восстаниях 1830—1931 и 1863—1964 гг. и объективно отнестись к политике царизма, которая проводилась в стиле обычной государственной политики того времени.

Выше рассмотрены методы, совокупность которых должна быть определена исследователем с целью выполнения конкретной научной темы. Все зависит от ее актуальности, диктуемой как логикой развития науки, так и практической значимостью для решения задач современной жизни, от разнообразия исторических источников, адекватности избранных для их анализа методов, включая инновационные методы.

Несомненно, мы должны быть более требовательны к себе. К этому обязывает и вся современная обстановка в стране. Почему мы категоричны при оформлении документов, отказываем, например, в командировке учителей, приславших на научную конференцию интересные доклады, на том основании, что приглашения не содержат надписи типа ГУО ОСШ? И вместе с тем, почему весьма беспечны в

доказательстве истинности собственных моделей изученных объектов истории, что прямо вытекает из требований ВАК, предъявляемых к диссертациям?!

Формулировка цели диссертаций с позиции принципа историзма как гипотезы познания способствовала бы выходу соискателей на общенаучный уровень «восхождения от абстрактного к конкретному», т. е. на уровень определенных теоретических обобщений, а совету по защите

те диссертаций облегчила бы решение задачи: за какие достижения соискатель заслуживает присуждения искомой ученой степени.

Конечно, в условиях постмодерна, этого вызова достижениям прошлого, возможны и вполне объяснимы самые различные построения. Но вместе с тем этот процесс должен быть целенаправленным поиском и достаточно управляемым. Он еще раз напоминает нам о ценности методологизации исторического мышления.

Анализируя состояние современной белорусской исторической науки, приходится констатировать имеющееся противопоставление обычной (событийно) историографии методологии истории. Ярким воплощением такого контраста явилась кандидатская диссертация Д. Н. Черкасова «Внешняя политика Бургундии в 1419—1467 гг.». Автор создал целую панораму многовекторной внешнеполитической деятельности герцога Филиппа Доброго. Однако предложил читателю собственную методологию исследования, представляющую собой некие «метод источниковедческого анализа» и «историко-политический анализ», подмену принципа историзма историко-генетическим методом и др. [7].

Назрела необходимость не только с учетом интеграции наук совершенствовать и развивать теоретико-методологические основы исторической науки, но и всемерно оснащать ими конкретные исторические исследования. Отечественная историческая наука накопила достаточное количество фактического материала, чтобы подняться на новый уровень: от «восхождения от конкретного к абстрактному» к «восхождению от абстрактного к конкретному», т. е. к теории. И на более высоком уровне она добилась не малых успехов. Приведем наиболее показательные примеры.

В основополагающем труде А. Н. Нечухрина [8], посвященном предтече модернистской парадигмы XX в. — позитивистской историографии, рассмотрена эволюция этого доминировавшего направления в российской исторической науке конца XIX — начала XX в., проанализированы методологические и историографические взгляды ее ведущих представителей. Лейтмотивом исследования является тезис о том, что развитие теоретико-методологической базы постсоветской историографии следует видеть не только в «наведении мостов» с западной наукой, но и в углубленном изучении опыта, накопленного отечественной наукой в период ее относительно свободного развития, в восстановлении определившихся традиций.

Большая работа в республике по внедрению гендерного подхода в методологический арсенал историка проделана И. Р. Чикаловой. Ее усилиями как организатора и редактора осуществлено три выпуска сборника «Женщины в истории: возможность быть увиденными». Выступая не только в роли редактора, но и как автор вводных статей к сборникам, И. Р. Чикалова, касаясь национальной историографии, выделила в ней общие тенденции и этапы концептуализации категорий «женщины/мужчины», «феминность/маскулинность», «сексуальность» и «гендерная идентичность». В целом был сделан важный шаг в перемещении ракурса научных исследований на повседневные практики и механизмы складывания властных взаимоотношений, ядром которых стала гендерная принадлежность. Выдвинутые И. Р. Чикаловой идеи обобщены, например, в статье «Женская и гендерная история: состояние и перспективы развития» [9].

Особое внимание обращает пока единственная в своем роде книга В. Л. Носевича, вышедшая под интригующим названием «Традиционная белорусская деревня в европейской перспективе» [10]. Работа выполнена на уровне современных достижений методологии исторического исследования. Это проявляется в стремлении автора к междисциплинарности, через микрообъект выйти на макроисторию, синтезировать наработки исторической науки в области истории повседневности, гендерной и психоистории. С применением как традиционных, так и инновационных методов автор убедительно показал значение небольшой популяции (маленького человека) в историческом процессе. Появление книги — яркий факт реализации социального предназначения исторической науки, особенно ее воспитательной функции, предполагающей синтез науки и художественного творчества.

Красной нитью через широкомасштабное исследование Н. В. Смеховича «История и метод» проходит мысль о том, что «плодотворность и результативность труда историка напрямую зависит от теоретико-методологической базы» [11, с. 3]. Ссылаясь на многочисленные извлечения из работ исследователей истории в разные эпохи, начиная с античности, автор проанализировал категории и принципы, которые обусловили понимание и объяснение событий и фактов, содержательное наполнение выдвинутых концепций, формирование и развитие научных школ. В работах современных методологов, по мнению ученого, имеет

место противоречие, когда методологические основы их диссертаций не соответствуют поставленным целям и задачам [11, с. 285].

В монографии Н. И. Миницкого «Методы конструирования научного и образовательного исторического знания» [12] впервые в отечественной методологии науки разработана концепция построения исторического научного знания. Достоинство авторской технологии исследования заключается не только в использовании методов, адекватных потребностям источника и поставленным задачам, но и в проверке, верифицируемости, самого метода. А веским подтверждением обоснованности и достоверности авторской концепции является ее реализация в образовательной практике. Это, прежде всего, опыт работы самого автора, нашедший отражение в пособии для учителей «Преподавание истории древнего мира в школе» с его инструментальными средствами перевода теоретических положений в практику познавательных действий.

Из новых работ примечательна докторская монография О. М. Шутовой «Историография и постмодерн: вопрос об идентичности во второй половине XX — начале XXI века» [13]. Уникальная в своем роде работа талантливой ученой открывает широкие возможности для осмысления и переосмысления нашей белорусской историографии. В монографии с использованием многочисленных публикаций на английском, французском, белорусском и русском языках, идей и наработок многих зарубежных ученых, историков и философов, раскрываются и анализируются самые актуальные и важные, во многом неисследованные проблемы развития исторической науки. Среди них антропологический и лингвистический повороты, различные проявления постмодерна, современные проблемы исторической эпистемологии в разных странах мира, в том числе Беларуси. Выявляются тенденции в эволюции западной исторической мысли, причем вопрос об идентичности рассматривается как «формообразующий» для анализируемых явлений, в которых акцент перенесен с изучения «объективных» институтов общества на «субъективное» в истории — человеческий опыт. Красной нитью проводится мысль об историографии как носителе идентичности самой истории.

Эта славная традиция нашла продолжение в некоторых диссертациях, защищенных в последнее время. Так, на уровне «восхождения от абстрактного к конкретному», т. е. к теории, была написана представленная на соискание ученой степени кандидата исторических наук диссертация В. Н. Сергеева «Теория коммуникации Н. Лумана как метод исторического анализа» [14]. Судя по ее содержанию, она в большей мере отвечает иному названию: «Теория коммуникации Н. Лумана и ее

применение в историческом исследовании». В диссертации реализовано требование инновационного подхода в научной, а в нашем случае научно-исторической, сфере деятельности, в которой первостепенное значение приобретает углубление теоретико-методологических основ социального анализа. Теория Н. Лумана концентрирует внимание на таком поле взаимодействия с его синергетическими эффектами, как «исследователь — источник». Она может служить важным контраргументом таких явлений, как явное неприятие исторической синергетики, слепое преклонение перед источником, сплошное отождествление события и факта и др.

Показательно, что иногда исследователь, не ставя целью прибегать к синергетической парадигме, возможно и не разбираясь в ней, но, будучи последовательным исполнителем, на деле реализует ее эффекты, показывая тем самым жизнеспособность этой парадигмы. Подобным примером может служить кандидатская диссертация посла Палестины в Республике Беларусь Абу Зейда Мунтасера «Формирование Палестинской национальной администрации и ее политика в области внутренней безопасности, образования и здравоохранения». Автор рассматривает процесс формирования палестинской государственности «как своеобразную подсистему с особыми взаимосвязями и взаимозависимостью составляющих ее элементов» в системе Палестины. Развитие системы в целом «было чревато непредсказуемыми последствиями». Автором называется несколько ее этапов, в которых можно выделить, подходя синергетически, периоды становления порядка и хаоса с его точками бифуркации [15, 4, 11].

Несомненным вкладом в национальную науку явилась кандидатская диссертация В. Л. Лоцицкого «Научно-методические основы применения электронных средств обучения истории Беларуси на третьей ступени общего среднего образования» [16]. Она выполнена на стыке трех научных дисциплин (педагогика, информатика и история) и означает в известной мере внедрение теоретико-методологических основ историографии в практику обучения истории на уровне не только среднего, но и высшего исторического образования. Развернувшаяся в республике информатизация образования выдвинула эту проблему в число первоочередных. С учетом специфики исторического познания автором определены условия применения электронных средств обучения (ЭСО), целесообразность их структурирования и содержательного наполнения, дидактика формирования у обучаемых умений реконструировать

ровать и интерпретировать исторические явления, критериально-ориентированный подход к созданию технологической матрицы и комплекса тестовых заданий.

Приведенными примерами не ограничиваются достижения отечественных историков [17]. Заметим только, что очевидные успехи стали возможны благодаря тому, что их носители овладели глубокими знаниями теоретико-методологических основ исторической науки и искусными навыками применения этих знаний в повседневной творческой деятельности. Именно к таким исследованиям можно отнести высказывание известного физика Л. Д. Ландау: «Истинная теория явления отличается от простого пересказывания фактов учеными словами именно тем, что из нее следует гораздо больше, нежели дают сами факты, на которых она основывается...» [18, 161].

С этими бесспорными достижениями белорусской исторической мысли контрастирует массовое неприятие инновационных концепций и методов исторического познания (исторической синергетики, социально-психологических, математико-статистических и семиотических методов, лингвистики дискурса и искусствоведческого анализа в социальной истории), использование которых, несомненно, расширило бы поле исследования и усилило бы гуманистический и научный статус исторической науки.

Не отрицая возможности того, что научные исследования могут быть свободны от некоторых из вышеуказанных недостатков, зададимся вопросом, а для чего, собственно, они проводятся, защищаются диссертации, если они не гарантируют как объективность исследования, так и, в особенности, достоверности сформулированных положений и выводов, т. е. методов анализа, адекватных источникам, поставленным задачам и современной методологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. : в 2 т. / Ф. Бродель. М. : Прогрес. 1986—1992. Т. 1, 2.
2. Артог, Ф. Мировое время, история и написание истории / Ф. Артог // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. Мінск : БДУ, 2007. Вып. 3.
3. Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов // Дискурс в современном гуманитарном знании. Минск : Изд. центр БГУ, 2008. Вып. 5.
4. Дзянісава, А. Р. Праваслаўныя манастыры Турава-Пінскай епархіі ў грамадскім жыцці на беларускіх землях у XI—XVII ст. / А. Р. Дзянісава : аўтарэф. дыс. ... канд. гістар. навук. Мінск, 2009; Гаравая, А. А. Развіццё сістэмы вышэйшай філалагічнай адукацыі ў Беларусі (1944—1961 гг.): аўтарэф. дыс. ... канд. гістар. навук / А. А. Гаравая. Мінск, 2009.

5. Сидорцов, В. Н. Методология истории: количественные методы и информационные технологии / В. Н. Сидорцов: учеб.-метод. пособие. Минск : БГУ, 2003.
6. Сидорцов, В. Н. Методология исторического исследования (механизм творчества историка) / В. Н. Сидорцов. Минск : БГУ, 2000.
7. Черкасов, Д. Н. Внешняя политика Бургундии в 1419—1467 гг. : автореф. дис. ... канд. истор. наук / Д. Н. Черкасов. Минск : Изд. центр БГУ, 2010.
8. Нечухрин, А. Н. Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в. — 1917 г.) / А. Н. Нечухрин. Гродно : ГрГУ, 2003.
9. Общество и гендер. Рязань : РГУ, 2003. С. 80—101.
10. Носевич, В. Л. Традиционная белорусская деревня в европейской перспективе / В. Л. Носевич. Минск : Тэхналогія, 2004.
11. Смехович, Н. В. История и метод / Н. В. Смехович. Минск : РИВШ, 2004.
12. Миницкий, Н. И. Методы конструирования научного и образовательного исторического знания / Н. И. Миницкий. Минск : БГПУ, 2006.
13. Шутова, О. М. Историография и постмодерн: вопрос об идентичности во второй половине XX — начале XXI века / О. М. Шутова. Минск : БГУ, 2008.
14. Сергеев, В. Н. Теория коммуникации Н. Лумана как метод исторического анализа : автореф. дисс. ... канд. истор. наук / В. Н. Сергеев. Минск : БГТУ, 2008.
15. Мунтасер, Абу Зейда. Формирование Палестинской национальной администрации и ее политика в области внутренней безопасности, образования и здравоохранения : автореф. дисс. ... канд. истор. наук / Абу Зейда Мунтасер. Минск : БГТУ, 2009.

16. Лозицкий, В. Л. Научно-методические основы применения электронных средств обучения истории Беларуси на третьей ступени общего среднего образования : автореф. дис. ... канд. педагог. наук / В. Л. Лозицкий. Минск : БГПУ, 2008.
17. Сидорцов, В. Н. Теоретико-методологический парадокс в отечественной историо-графии / В. Н. Сидорцов // Электронная библиотека БГУ [Электронный ресурс]. 2010. — Режим доступа : <http://elib.bsu.by/handle/>
18. Слово о науке. Афоризмы. Изречения. Литературные цитаты. М. : Знание, 1978.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 17 мая 2010 г.